

**Семён Заславский,
историк, археолог,
литературный переводчик, поэт**

Геополиический этюд о Крыме

Предисловие

Далекой зимой 1980 года я жил и работал под Севастополем около села Штурмовое. Вместе с замечательным археологом Колей Тарасенковым раскапывал некрополь так называемых «катакомбников», чей язык неведом, а время существования совпадает с легендарной эпохой создания гомеровского эпоса.

Всем, кто занимается раскопками, известно это острое чувство родства с теми, кто давно погребен в нашей земле. «Его зарыли в шар земной» – эта строка Сергея Орлова напоминает не только о солдатах Великой Отечественной, но, может быть, говорит обо всех живших и умерших, а так же и обо всех живущих, кому предстоит умереть.

Никакой человеческий прах не может быть чужим – вот о чем говорили мы с Колей вечером после работы в бревенчатом вагончике, сотрясаемом штормовым ветром с моря, со стороны Карантинной бухты.

По воскресеньям к нам приезжали друзья, к сожалению, ныне покойные – Гена Шнайдер и Коля Ковалевский. Однажды за обедом, что заканчивался крепким чаем с водкой, Гена как-то обмолвился о странной связи сонетов Петрарки с землей Крыма, хотя в Крыму великий итальянец никогда не бывал. Дрогнуло у меня сердце, когда я услышал от Гены, что великая чума 1648 года попала в Италию из Кафы (Феодосии).

И все же этот, можно сказать, геополитический этюд лишь через 20 лет осветила молния замысла под зимним крымским небом 1999 года.

Стихотворение «Музыка зимнего моря» предшествовало прозе и являлось, пожалуй, скрипичным ключом сочинения под названием «Азиатский сонет».

Музыка зимнего моря
с грохотом пыли и пены,
соленой и гулкой.
С чистым и свежим
дыханием первого снега
в сиреневом небе.
С разрывами ультрамарина,
когда раскрываются
новые венецианские
окна
промытой и звонкой лазури.
Музыка зимнего моря.
Мой день уходящий
и свет предвечерний
на скалах прибрежных...
Там, на скалах прибрежных
Золотая медуза декабряского солнца
Близоруко прищурилась в алом тумане...

Там, на ткани
темно-лиловой
в свечении зеленоватом
появляется юный полумесяц
и растет с убывающим закатом.
Там ликуют и скачут, и резвятся
серебристые кузнечики – Плеяды
... Но владычица – Венера
бросает ревнивые взгляды
на мерцающие Волосы Вероники.
И вечерняя заря заходит
и быстро меркнет.
И на этом свете
все тихнет.
Лишь богиня случайности
Тюхе
взирает на Землю
пустыми глазницами
белой
античной
маски.
17.12.99

АЗИАТСКИЙ СОНЕТ

Б. Фельдману

**И раскрывается цветок
В глубинах нежной Евразии,
И не страдая косоглазием,
Глядит на Запад и Восток.**

Это стихотворение является вступлением или увертюрой к давно задуманной композиции о людских страстях, бушевавших в середине нашего тысячелетия, означенного среди прочих грозных событий мировой истории пандемией чумы 1348 года. Эта чума, как ни странно, сблизила между собою весьма далекие и различные миры. На Западе и на Востоке в ненасытимое жерло ее оказались втянутыми люди, вовсе незнакомые друг с другом, но далеко во все стороны света извергнутые взрывом этой всемирной беды.

1

Существует обширная категория явлений, которую мы называем действием спускового механизма, когда незначительная причина вызывает громадный эффект.

Джордж Томсон, физик,
лауреат Нобелевской премии.

В замечательном исследовании Эдуарда Салмановича Кульпина «Золотая Орда» я прочитал о том, что распространителем чумы в степи является полуденная песчанка из отряда грызунов. Живо представил себе этого маленького юркого зверька, его могучую страсть к размножению, которая так значительно уменьшила людские ресурсы огромной степной империи от Каракорума до Сарая, и, более того, повлияла на судьбу всей восточной и западной Европы.

...В 1326 году синьор Франческо Петрарка возвратился в город Авиньон из Болоньи проводить в последний путь своего отца, флорентийца Петракколо ди Паренцо. Это была, пожалуй, первая в его жизни смерть близкого человека, но, несмотря на вполне понятные скорбь и тоску по покойному отцу, он был молод, полон каких-то неясных надежд и предчувствий, какими нас всегда прельщает юность, и его сердце «молодым горело желаньем», как писал в своей Эклоге горячо любимый им Вергилий.

И случится так: через год в 1327 году, шестого апреля, опять же в Авиньене он увидит в портале церкви Святой Клары прекрасную женщину, имя которой будет навеки прославлено его божественными сонетами.

Через двадцать один год в 1348 году шестого апреля утром эта женщина умрет от чумы, занесенной в Европу из Крыма генуэзскими негодяями.

...Полуденная песчанка шевелит усиками на рассвете, глядя на багровеющую пустыню Великой Степи...

2

После распада Советского Союза, так внезапно рухнувшего на наших глазах, многие историки пытаются обнаружить генетический код этой детонации, неизбежно уничтожающей все великие империи мира, одной из которых была когда-то Золотая Орда. ...Ведь это было огромное государство, как писал уже упомянутый Кульпин, «...в границах, много превосходящих античный римский мир – Рах Романа. Это объединение означало не просто одномоментно резкое (в сотни раз) увеличение обмена информацией, знаниями, генетическим фондом, накопленным дальневосточной, ближневосточной и европейской цивилизациями, но почти на столетие стабилизацию интенсивного, предельно возможного при тогдашних средствах сообщения обмена. Люди Европы получили возможность безопасно путешествовать по огромным пространствам Евразии и использовали эту возможность в политических и коммерческих целях. Факт остается фактом: Золотая Орда была мостом между Западом и Востоком, географическим центром информационного, генетического и других видов обмена...».

Но все, рожденное временем, уничтожается им же. Гибели Золотой Орды предшествовала «великая замятня»¹ – жестокая гражданская война всех против всех в опустошенной чумой степи.

Далее, анализируя это Смутное время в Золотой Орде, Кульпин пишет о криминализации общества, ослаблении центральной власти, эмиграции ученых и образованных людей в Египет, об общем падении уровня хозяйственной и политической жизни из-за того, что татары утратили возможность контролировать международную торговлю на значительном протяжении Великого Шелкового Пути.

И мы, свидетели иного Смутного века, хотя бы отчасти можем понять и проникнуться сочувствием к судьбам самых разных известных и неизвестных людей того времени, которые очутились «в книге рока на одной строке».

3

В 1917, роковым для Российской империи году, симферопольский ученый Колли перевел на русский язык некоторые главы из сочинения Вильгельма Гейда «История торговли Востока в средние века». Речь в этом сочинении шла об итальянских колониях на северном побережье Черного моря, о глубокой и долгой вражде генуэзских и венецианских купцов, домогавшихся абсолютной власти на этой территории, о связях этих купцов с татарскими ханами, которые тогда облюбовали и освоили для жизни эту благодатную землю. И все это происходило в 14 веке. Золотая Орда к этому времени уже начинала распадаться, повторяя, увы,

судьбу завоеванной ею Киевской Руси. Остались в прошлом времена централизованного мощного государства, созданного железной волей Чингисхана. Именно в это время китайскими учеными был сделан дословный перевод и записано иероглифами «Сокровенное сказание» – степная «Иллиада» тюркских народов. Неизвестный автор этого произведения из глубины своего века предупреждал потомков обо всех ужасах братоубийства и кровавой розни: «небесный свод и звезды свершали свой круговорот, все племена друг с другом враждовали, не зная отдыха, все грабили друг друга, земля и почва страшно сотрясались, войну вел весь народ...».

Но порядок, установленный Чингисханом в своей стране и армии, порядок, привнесенный им на все завоеванные земли, не мог быть долговечным. Слишком были растянуты коммуникации степной империи, да и полиэтничное население Золотой Орды, в конечном счете, проявило определенные сепаратистские тенденции, стремясь стать хозяином на своей земле. Поэтому, видимо, и образовалось Крымское ханство как особая административно-хозяйственная структура в Золотой Орде и, конечно же, сразу попало в сферу влияний и интересов сначала дряхлеющей Византии, затем начинающей мужать Великой Порты, а также русских князей и западноевропейских кондотьеров. На этой земле (имеются в виду северные берега Черного моря), сошлись в борьбе за власть и возможность выхода в Боспорский пролив два приморских хищника – Венеция и Генуя, чье богатство и блеск, а также экономические преступления и неразборчивость в средствах для достижения своей цели стали притчей во языцех в ренессансной Европе. За этим противоборством угрюмо следил Константинополь, чьи симпатии были, в основном, на стороне Генуи, еще со времен восшествия на престол Михаила Палеолога.

4

...Небольшой городок Тана на берегу Азовского моря – маленькая точка в мишени далеко расходящихся, можно сказать, всемирных событий.

Татарские ханы не стремились владеть прилегающими к морю территориями (да и к чему степнякам море!), но старались извлечь свою коммерческую выгоду от пребывания там итальянских купцов. Даже вражду генуэзцев и венецианцев они использовали в своих целях, что вполне понятно любому человеку, знакомому с политической историей средневековья или, скажем, нашего времени. Цитирую Гейда: «В тот момент, когда венецианцы бросали якорь в порте Тана, осмотр татарских таможенных агентов давал им осязательно почувствовать, что они пристали к чужой территории, и когда свойства их товаров требовало весовой проверки, то контрольная операция производилась в присутствии делегата от консула и одного чиновника татарской таможни. Во время своего пребывания в Танае, какова бы ни была его продолжительность, венецианцы часто сталкивались с татарами, составлявшими большую часть городского населения и исповедовавшими магометанскую религию».

И все же отношения итальянцев и татар в Крыму долгое время, пользуясь термином из физики, были вполне комплиментарны, то есть дополняли друг друга во вражде и дружбе. Но любой порядок, в том числе и государственный, несет в себе начало хаоса и анархии и гены, а возможно и вирусы, распада и смерти ждут своего часа. Так одиночная раковая клетка, постоянно множась, стремится выжить и стать бессмертной за счет разрушения всей биосистемы человеческого организма.

...1340 год отмечен в истории смертью хана Узбека, как известно, принявшему мусульманство в качестве официальной государственной религии Золотой Орды, и с неумемной энергией молодого неофита искренне и горячо поверившему в Аллаха. Его честолобивый и талантливый сын хан Джанибек начинает

перестройку на подвластной ему земле. Он энергично борется с коррупцией проворовавшихся провинциальных чиновников, а также преследует венецианских купцов, что в ущерб ханской казне наживались на акцизном сборе за провоз товаров.

А в 1343 году погром итальянских купцов в Тане явится причиной уже настоящей полномасштабной войны Запада и Востока на земле Крыма, причем с первым применением бактериологического оружия, как это будет ясно читателю из дальнейшего изложения нашей истории.

...В одной из стычек венецианец Андреолло Чиврано убивает татарина Ходжу Омара. Это убийство провоцирует резню татарами всех генуэзцев, флорентийцев и венецианцев, разгром их домов и товарных лавок. Возмущен убийством своего подданного хан Джанибек. Он начинает войну с западной цивилизацией на Северном Причерноморьи, войну, косвенно переметнувшуюся и на «сапожок» Аппенинского полуострова.

5

По представлению современников Франческо Петрарки мир известной им цивилизации заканчивался у Геракловых столбов. Несмотря на открытие знаменитыми путешественниками Рубруком и Марко Поло совсем иных, отличных от европейских, миров и народов, итальянцы слабо себе представляли жизнь монголов или славян. Все они были для них варварами, скифами на одно лицо. Вот как писал о них Петрарка архиепископу Генуэзскому Гвидо Сетте: «Давнишни несчастья греков, но бедствия скифов новы. Откуда недавно морем годовые запасы хлеба везли в Венецию, оттуда идут корабли, груженные рабами, коих продают несчастные родители, голодом понуждаемые. Диковинного вида толпа мужчин и женщин наводнила скифскими мордами прекрасный город, подобно тому, как прозрачную реку мутит неистовый поток. И коли не нравилась бы толпа сия покупателям более, чем мне, коли не услаждала их взоры более, чем мои, не наполнял бы мерзкий народ узкие улицы, не поражал бы привыкших к красивым лицам приезжих, а в своей Скифии, вместе с Голодом, тощим и бледным, в покрытом камнями поле, где помещает его Назон, по сей день рвал бы ногтями и зубами скудные травы...».

...Простим великому гуманисту его эстетическую ксенофобию. «Проходит лик мира сего», как писал Достоевский, но не проходят вражда и ненависть, неприязнь к чужому: его привычкам, образу жизни, внешнему облику, и даже религии и культуры ведут войну на этом нашем ненадежном свете...
Надо сказать, ренессансная Европа в то время была потрясена междоусобицами не менее, чем Золотая Орда. Война еще средневековых городов-государств была затяжной и кровавой, а власть Папы в Риме – переменчивой и продажной. Петрарка, судя по всему, жил в эпоху перемен, проклятую по понятиям китайцев. Вот что он пишет в уже упомянутом письме Гвидо Сетте «о том, как меняются времена»: «уже много лет, как мир сменила война, свободу – рабство, радость – уныние... Не могу, предавшись воспоминаниям, обойти стороной мою Родину. Разве не являет она собою очевиднейшее свидетельство злосчастных перемен? Столь недавно на зависть всем христианским городам процветавшая, а ныне войнами, пожарами и болезнями обращенная в ничтожество...».

...Утратив столь ценное им душевное равновесие, будучи уже совсем немолодым человеком, Франческо Петрарка в 1343 году переживает тяжкий душевный кризис. Он мечется по всей Италии и уже готов внять призыву брата Джерардо уйти в монастырь.

И в это же время в поволжских степях и в Крыму рыщут стаи полуденных песчанок, безмерно увеличиваясь в своем количественном составе, с огромной скоростью пожирая зеленые побеги. Начинается падеж скота, и, скоро, через

какие-нибудь три года на степных дорогах и горных тропах появятся сотни трупов, обезображенных предсмертными судорогами, людей и домашних животных...

Но разве не един в жизни и смерти наш мир, наш Земной шар, наша Ойкумена, наша Вселенная? И монгольский нойон, и славянский пахарь, и еврейский купец, и татарский мулла, – все подвержены смерти и предсмертной тоске, все открыты голоду, болезням, нищете, угрозе потери рассудка, отчаянию!..

«...Слушай, слушай внимательно: нет такого безумца – разве это уже совсем сумасшедший, – который бы не сознавал подчас бренности своего существования и который, будучи спрошен, не отвечал бы, что он смертен и обитает бренное тело, потому, что об этом свидетельствуют и телесные боли, и лихорадочные припадки, а прожить совершенно свободным от них дано ли кому-нибудь по милости Господа? К тому же и похороны друзей, беспрестанно проходящие пред вашими глазами, вселяют страх в душу созерцающих, ибо, провожая к могиле кого-нибудь из своих сверстников, человек неизбежно содрогается при мысли о бездне, куда смертью внезапно свергнут другой, и начинает тревожиться за себя самого, подобно тому, как увидев жилища своих соседей в огне, ты не можешь оставаться спокойным за собственное жилище, ибо, как говорит Флакк: «Скоро, гляди, к тебе подберется опасность...» (Франческо Петрарка. «Моя тайна или книга бесед о презрении к миру»).

6

Верона – родина античного поэта Катулла. Его стихи, по-видимому, знал Петрарка. Его стихи знал, вероятно, и английский Бард, чья сценическая поэма о юной любви и неумолимой смерти избирает местом действия Верону. Здесь настигает Франческо Петрарку весть о смерти Лауры от чумы в 1348 году.

7

1346 год озвучен в одной русской летописи тяжким ритмом наступающего бедствия: «бысть от Бога на люди под восточной страню, на город Орначь, и на Хозторакань и на Сарай, и на Бездеж и на прочие грады в странах их, бысть мор силен на Бессермены, на Татарове, и на Ормены и на Обезы, и на Жиды и на фрязы и на черкасы и на всех томо живущих, яко не бе кому их погребати...»
«Яко не бе кому их погребати...»

В 1346 году Франческо Петрарка пишет трактат об уединенной жизни (*De vite solitaria*) в «заальпийском своем уединении» под неумолчный шум источника Сорги. Но нет мира в его душе, хотя он все чаще обращается к Святому Писанию, читает священные тексты и богословские трактаты. Через два года он получит известие о смерти Лауры от чумы, наполовину опустошившей сначала Великую Степь и затем переметнувшуюся в Италию через Черное море.

И это горе вначале заставит его думать о собственной грядущей кончине, трепетать, подобно нашему Гоголю, в предчувствии ужаса собственного исчезновения. Мысль о смерти настойчиво преследует его каждую минуту. Более всего он боится умереть случайной смертью на Большой дороге и об этом часто пишет друзьям. И потом, кто знает, (правда, не надо нам об этом знать) не терзает ли его в это время мысль об уже полной невозможности земной, желанной телесной близости с этой уже навек ушедшей женщиной? И всю тяжесть своих земных страстей и переживаний он преобразит в небесную, легкую, промытую горем и слезами, высочайшую альпийскую лазурь своего искусства... И мы никогда не узнаем (да и не надо нам об этом знать) всей глубины его горькой тоски по той, кого он так долго любил и славил. Правда, в старости боль его понемногу утихает, и вот что он пишет в «письме к потомкам»: «В юности страдал я жгучей, но единой и пристойной любовью и еще дольше страдал бы ею, если бы

жестокая, но полезная смерть не погасила уже гаснущее пламя...».

И для того, чтобы жестокая и полезная смерть погасила пламя любви великого поэта, для того, чтобы появились на свет его благородные сонеты «на смерть мадонны Лауры», хан Джанибек дважды пойдет на штурм города Кафы, где генуэзские наемные войска окажут ему умелое и решительное сопротивление. И будет это в 1346 году.

8

...Весьма болезненной оказалась для Европы утрата крепости и порта Тана. Вся Греция и Италия очутились в экономическом кризисе из-за недостатка зерна и соленой рыбы, доставляемых итальянскими купцами по Черному морю. Вдвое подскочила цена шелка и таких особых экзотических товаров, как имбирь, перец, мускатный орех и гвоздика, поступающих в Европу из Индокитая через Тану. Именно Тана связывала торговыми путями далекие Рим, Тегеран, Константинополь и даже Пекин. Но никакие дипломатические усилия Венеции по урегулированию этого, можно сказать, международного скандала, не давали результата. Не помогло и посредничество Папы.

И ненависть хана Джанибека к генуэзским купцам достигла апогея, когда он со своим войском, вооруженным китайскими камнеметательными машинами, пришел под Кафу.

Только чума, уже всю гуляющая по Золотой Орде и Руси, проникла в ряды осаждающих Кафу лучников хана Джанибека и разбила свой лагерь смерти в его военном лагере.

И, как пишет Гейд: «...чума напала на ханские войска, собранные под Кафой, и уносила тысячи жертв.

В надежде вызвать эпидемию среди осажденных, и таким образом принудить их сдаться, татары с помощью своих осадных машин бросали трупы через стены.

Осажденные же, в свою очередь подбирали эти трупы и бросали их в море.

Однако, зараза не замедлила проникнуть в город.

Но, несмотря на все это, защитники не пошли на капитуляцию. Между тем, вернувшиеся в Италию из Кафы суда распространили чуму в Сицилии, Тоскане, Генуе, Рагузе, Спалато, Венеции. Таково было начало «великой смертности» или «черной чумы», опустошившей половину Европы, злосчастное последствие торговых сношений Запада с Востоком».

9

...В старости понемногу утихает его боль и тоска по той, кого он любил такой светлой и бескорыстной любовью, и он понимает, что высшим благом для его искусства были не только ее отказ от земной близости с ним, но и сама ее смерть. Теперь в лице мадонны Лауры он славит и благодарит Богоматерь, Матерь всего сущего, Заступницу за все живое, Спасительницу, оттуда, с высоты горней простившую наш человеческий род за все его грехи тяжкие, за все его преступления зверские в прошлом, настоящем и будущем...

И вместе с тем он славит и благодарит земную прекрасную женщину, одарившую его самым ценным, что есть на нашей Земле – божественным и святым вдохновеньем, и любовью великою!

...У художника Симоне Мартини, его друга, есть предполагаемый портрет Лауры, по преданию, заказанный ему самим поэтом. Быть может, глядя на него, он думал и писал: «Лаура, известная своими добродетелями и долго прославляемая моими песнями, впервые предстала моим глазам на заре юности в лето Господне 1327, утром шестого апреля в соборе Святой Клары, в Авиньоне.

И в том же городе, так же в апреле и так же шестого дня того же месяца, в те же утренние часы в году 1348 покинул мир этот луч света, когда я случайно был в

Вероне, увы, о судьбе своей не ведая. Горестная весть через письмо моего Людовика настигла меня в Парме того же года утром 19 мая. Это непорочное и прекрасное тело было погребено в монастыре францисканцев в тот же день, вечером. Душа ее возвратилась, в чем я уверен, на небо, откуда она и пришла. В память о скорбном событии, с каким-то горьким предчувствием, что не должно быть уже ничего радующего меня в этой жизни, и что после того, как порваны эти крепчайшие сети, пора бежать из Вавилона, пишу об этом именно в том месте, которое часто стоит у меня перед глазами. И когда я взгляну на эти слова и вспомню быстро мчащиеся годы, мне будет легче, с Божьей помощью, смелой и мужественной думою покончить с тщетными заботами минувшего, с призрачными надеждами и с их неожиданным исходом».

О ней он писал не только такой чистой и мужественной прозой. Есть «Канцоньере» – книга песен, над которой, среди прочих трудов, он работал до конца своих дней. Вот один из сонетов этой книги в моем переложении на русский язык:

Когда тебя увидел я впервые,
Когда на свет лучистых глаз твоих
Я устремился в искреннем порыве, –
Как сердце, время сжалось в краткий миг.

Когда вошла ты в жизнь мою и стих,
Я ощутил, как стонет сердце вживе,
Как ткань его слабеет на разрыве –
Всею глубиною боли я постиг.

Мадонна, страшен мир непробужденный!
Опять лазурь очнулась, умирая,
И вновь колеблет чувственное пламя

И облик твой, годами удаленный,
И край, где звал тебя и пел тебя я
Земными безутешными словами.

10

«...Итак, хвала тебе, Чума!»²

...Зимний пустой Судак, где эти строки Пушкина звучат особенно гулко и пустынно. А слова «и в аравийском урагане» комкаются и глохнут, поглощаемые шумом моря.

Генуэзская крепость, вписанная в прибрежные скалы, где близоруко прищурилась алая холодная медуза декабрьского солнца. И пророческим гимном звучат здесь слова Осипа Мандельштама:

«Аравийское месиво, крошево,
Свет размолотых в луч скоростей.
И своими косыми подошвами
Луч стоит на сетчатке моей.
Миллионы убитых задешево
Притоптали траву в пустоте.
Доброй ночи! Всего им хорошего
От лица земляных крепостей» .

...Знал ли, предполагал ли давно умерший Франческо Петрарка, что пройдет время и в далекой и непонятной для него Скифии о нем будут думать и читать его сонеты о его любви к Лауре украинцы, русские, поляки, евреи, Скворода,

Мицкевич, Батюшков, Пушкин, Мандельштам.

Еще не одна чума опустошит планету после смерти Франческо Петрарки и здесь, на земле Крыма, как и в его родной Европе, произойдет множество, в основном, кровавых событий.

Сюда, в Кафу, с уцелевшими союзниками-генуэзцами бежит с поля Куликовской битвы хан Мамай и будет зарезан на базаре наемным убийцей...

Вновь отстроится крепость, и порт Тана будет стерт с лица Земли войсками хромого Тимура. Его не страшили западные колонисты, но настораживал все возрастающий «рейтинг» хана Тохтамыша как одного из самых достойных и сильных вождей Золотой Орды.

Хан Тохтамыш погибнет в Тобольске(!), а его жена, нежная Джанике-ханум, вернется из Константинополя в Крым, здесь умрет и будет похоронена в Чуфут-кале.

Ее небольшой мусульманский мавзолей, похожий на девичью опочивальню, пощадит время, а гробницу Лауры вместе с церковью, где она находилась, разрушат в 18 веке...

...Сильный ветер приносит внезапный снег, и он летит над Генуэзской крепостью, над маленькой бухтой, над морем. Он летит над Крымом, над Италией, над Монголией, над Китаем ... Он будет лететь над Землей и тогда, когда нас не будет, когда время сотрет и уничтожит наши деянья, наши дома и наши могилы...

Немного дней осталось до конца и моего зачумленного двадцатого века...

Хочу поклониться праху всех людей, о которых здесь рассказал.

Кода

Неуемны людские любовь и ненависть, и страсть к победе. Даже землетрясения и моры не могут остановить стремления человека к истреблению ближнего своего.

Но после того, как вздымаются и опадают волны людской вражды и злобы, на земной нашей отмели остаются иногда произведения искусства – редкие и одинокие свидетельства иного, высшего, быть может, предназначения человека, приговоренного к смерти судьбой и природой.

И все-таки бессмертного.

1)